

Н. Колесова

ПОМИНКИ

Сняв плащ, она нерешительно пошла вдоль столов. Люди, в основном мужчины, сидели тихо, переговаривались негромко. Кое-кто кивал ей. Зря она постеснялась надеть форму. В пиджаках-костюмах здесь было всего-ничего...

- Аня! - от дальнего стола взметнулась рука, и она с облегчением поспешила на зов. Соболев подвинулся, чтобы она могла сесть рядом. Обнял за плечи.

- Привет!

- Привет, - слабо улыбнувшись, она кивнула сидящим за столом. Кое-кто взглянул с недоумением.

- Здравствуй, Ань, - сказал сидевший за Соболевым Сергей Вешкин. Она пожала протянутую через стол пятерню бородатого Коли Мичмана и посмотрела в центр зала. Там, на столе стояла большая фотография Жени Фогта, перед ней - свеча, стакан водки и кусок хлеба на нем.

- Не успела на похороны, только сегодня сообщили, - сказала, извиняясь.

- А чего там смотреть-то? - мрачно сказал сидевший наискось седой парень. - В цинковом...

Она окинула рассеянным взглядом стол - блины, кутья, рыба, нераспечатанная водка...

- Сейчас Палыч подойдет, и начнем, - сказал Соболев. - Чего, Оль?

Он отодвинулся, оборачиваясь, и ей стало холодно от отсутствия тяжелой теплой руки на ее плечах - и от ледяного взгляда подошедшей женщины.

- Здравствуйте, - пробормотала Аня.

Ольга едва кивнула и обратилась к Соболеву:

- Ну и где ваш Лачугин? Сколько еще ждать? Мать же не железная... и Лариса еле на ногах держится.

Соболев посмотрел на часы, переглянулся с друзьями.

- Ну ладно. Давайте начинать.

Соболев встал и сказал. Говорить он умел хорошо и сказал всю правду - и то, как Женю любили, и то, какой геройский Женя был парень, и что остались у Жени большая мать, молодая жена и двое девчонок-пацанок... Аня слушала, глядя в стакан, который парни, по-свойски, налили ей полный. Выпила следом, села за стол - подавальщица разлила всем супа. Соболев подцепил полную ложку кутьи.

- Третий за полгода, - сказал Леша Генкин.

- Еще мало, - подхватил седой, - помнишь, в прошлом году нашу машину...

Она ела, прислушиваясь к разговорам. Народ был еще тих, переговаривался негромко, больше про Женю, но не пройдет и полчаса...

Когда поднялась Лариса, она посмотрела, и больше глаз не подымала - невелика радость любоваться на чужое горе. Сидела, рассматривая свои руки и слушая сбивчивые слова. Хорошо, когда человек может сказать. Или хотя бы плакать.

Седой потянулся через стол, наливая ей треть стакана.

- Нормально?

- Да...

- Ну что, за Женьку?

Мужики едва не чокнулись машинально, но вовремя спохватились.

- Как живешь-то, Анна? - спросил Коля Мичман, закусывая.

Она пожала плечами.

- Живу...

- Все училка?

- Все училка.

- С их зарплаты с голоду не дохнешь? - спросил через Соболева Вешкин.

Она похлопала себя по животу.

- Зато лишний вес сбрасывать не надо. На шейпинг не трачусь.

- На хрена тебе ихний шейпинг? - заявил Мичман. - И без того все при тебе - и титьки и жопа!

Она перехватила совершенно одинаковые откровенные взгляды мужчин и посмотрела в сторону, скрывая усмешку. Второго такого мастера на комплименты еще поискать... Круче только Семицвет.

- Мэр квартиру обещал, - сказал Соболев, мотнув головой на родственников.

- Было бы сказано, забыть недолго...

- Палыч проследит. Ты-то, правда, как?

- Лучше, чем он, - теперь она мотнула головой на фотографию.

- Я серьезно, Ань...

- Хочешь и надо мной шефство взять? Квартира у меня есть.

- На работе не обижают?

Она хмыкнула.

- В школе-то? Обычные бабские разборки. Гадюшник. Что, морды пойдешь бить?

- Не-а. Приедем пару раз на джипах - даже бабы уважают...

- У тебя же «жигуль»!

- У Витька попросим!

Аня посмотрела на соседний стол. Обычное дело. После войны часть подалась в менты, часть - в братки. Витек - огромный, погрузневший, в хорошем костюме с кучей наград на нем, - кивнул ей и, встав, поволок за собой стол вместе со всей нехитрой поминальной снедью. За ним, ворча и посмеиваясь, потянулись мужчины.

- Здорово, Анют, - придавив двух соседей, Витек смачно чмокнул ее в губы. - Все хорошеешь!

- Это я-то? - не поверила она.

Витек покрутил в воздухе рукой.

- Ну, в смысле... волосы отрастила. И вообще. Все в порядке? Никто не наезжает?

Она посмотрела на него. На Соболя. В мужиках неожиданно проснулся инстинкт защитников. Наверное, у нее сегодня какой-то очень сиротский вид.

- Нет, Вить, не наезжает.

- Кто обидит...

- Сразу к тебе.

Витек кивнул с чувством выполненного долга.

- Точ-на. Давайте за Женьку, а?

Выпили за Женьку. Вспомнили и снова выпили.

Потом пришел Палыч - майор Андрей Павлович Лачугин. Постоял, разговаривая с родственниками, пошел по залу, то и дело останавливаясь то с тем, то с другим.

- Ого-го! - сказал Соболев, уже не понижая свой зычный голос. - Вот и наш майор пожаловал! Андрей Палыч, ну их, к нам, к нам попросим!

Они шумно поднялись, Лачугин пожал руки мужчинам. Повернулся к Ане.

- Анна Васильевна...

Хотел пожать руку и ей, но спохватился, приложился губами к запястью.

- Как жива-здоровая?

- Спасибо, хорошо.

Лачугин оглянулся - от соседнего стола ему уже тащили стул. Похоже, центром сегодня будут они. Сколько она его знала, майор всегда выглядел подтянуто и элегантно - даже там, в горах...

- Палыч, ты с ними был?

- Нет, у меня командировка через неделю, - сказал Лачугин, как всегда, неспешно и негромко. - Может, будь я с ними...

- Может, и тебя бы тогда сегодня поминали. Выпей, Палыч, легче станет...

Она так и не могла определить, чем - но Лачугин притягивал людей, как солнце - подсолнухи. Вот и сейчас народ подтягивался со всего зала - поговорить и поглядеть...

Ушли родственники. После их проводов народ заметно оживился. Шепнув Соболеву: «держи место», она пересекла зал и, миновав курящих в холле мужчин, зашла в туалет. Когда мыла руки, вошли женщины. Она узнала голос жены Соболева - Ольги.

- Никак я этого не пойму! - раздраженно говорила та. - Что значит - «боевая подруга»?

- То и значит, дорогая моя, - значительно отвечала вторая.

- Я ему сколько раз говорила, а он только смеется! Видала? Сегодня - не успела войти - и уже висит на шее... Это на поминках-то!

- Ты знаешь, по-моему, она просто ненормальная! Ну какая нормальная баба пойдет в спецназ или как это там у них называется? Или мужика ищет - тут-то с ее внешностью шансов никаких, а там на безрыбье... А, может, она из этих, ну как их... телом женщина, а...

«Ненормальная», продолжая машинально греть руки под жиденькой струйкой воды, подняла голову и посмотрела на себя в зеркало.

- Гермафродитка, что ли?

- Нет, и не 'розовая'!... Ну эта...

Она, глядя в зеркало, ждала установки очередного своего диагноза. Волосы, действительно, отросли, и шрама практически не было видно. Глаза с расширившимися зрачками сейчас казались очень большими и очень темными. Нижняя губа прикушена, в правом углу рта морщинка из-за привычки кривовато улыбаться. Она и сейчас усмехнулась - себе в лицо - аккуратно закрутила кран, неторопливо стряхнув руки, вытерла влажным уже полотенцем и вышла из-за прикрытия кабинки. Ольгина собеседница, очень милая дама средних лет, поперхнулась от неожиданности. Соболева тоже опешила, но тут же приняла вызывающую позу, готовясь к скандалу. Аня прошла мимо - неспешно и спокойно, точно их не было вовсе - но Ольгина подруга неожиданно шарахнулась в сторону, влипавшись плечом в косяк. Она подавила желание сказать ей «Гав!» в лицо. Вышла, аккуратно закрыв за собой дверь.

Бедный Соболек. Неудивительно, если он скоро тоже начнет от нее шарахаться...

Она завернула за угол - и едва сама не шарахнулась. Ну да, давайте сегодня все ко мне, все ко мне!

- Здорово, - сказал Семицвет, или, если угодно, Семицветов Игорь Сергеевич, неспешно вынимая изо рта сигарету.

- Здоровее видали, - со вздохом отозвалась она. Оглядела опустевший холл с двумя креслами, диваном и кадкой с какой-то гигантской зеленью. - Дай сигарету.

- Ты же не куришь, - заметил он, доставая пачку.

- Курю - с этой минуты. На легкие перешел?

- А я бросаю...

Она прикурила от его зажигалки - Семицвет смотрел недоверчиво, подозревая подвох - оглянулась и села в кресло. Семицвет постоял, подумав; сел в соседнее. Вытянул и скрестил ноги.

Из туалета вышли женщины; усиленно их не замечая, двинулись в зал. Семицвет посмотрел им вслед, и на губах его зазмеилась такая знакомая и такая ненавистная ей усмешечка.

- Это же соболевская баба? То-то я смотрю, ты с такой перекошенной морд... лицом вышла!

- Мордой лица... - пробормотала она, затягиваясь. Семицвет смотрел на нее сбоку неодобрительно.

- Видел тебя на неделе, - сказал неожиданно. - К остановке подходила с мужиком каким-то...

- И хорошо?

- Что - хорошо?

- Хорошо подходила?

- Ничего. Красиво. И мужик у тебя смазливый.

Мужик, и правда, был ничего, только вовсе не у нее. Но уточнять она не собиралась.

- Не из наших? - небрежно спросил Семицвет. Она поглядела.

- Из каких это – «ваших»?

- Чего гонишь-то? Я же ясно спросил! - та-ак, надолго его не хватило. Не проходило и нескольких минут после любой их встречи, как начинали лететь искры.

- Тебе-то что? - спросила Анна, собираясь встать. Семицвет лениво протянул руку - пальцы сомкнулись на ее запястье, словно наручник - не слишком тесный, совсем не болезненный, но по прочности - как настоящий. Она так удивилась, что и не попыталась высвободиться. Осталась сидеть, глядя на него с ожиданием.

- Погоди, ну... - увещевающе сказал Семицвет. - Я же не со зла. Я к тому, чтоб ты смотрела, кто там и что... А то, может, морда у него ниче-го, а сам гнида-гнидой...

Все больше удивляясь, она склонила голову набок.

- Правда, тебе-то что, Семицветик?

- Ну как... - он рыскнул по сторонам зеленоватыми узкими глазами. - Ты мне вроде как родная...

Аня дар речи потеряла, а Семицвет продолжал бубнить:

- Если б кто из наших, мы бы тебе про него все мигом узнали: где, как, что... А то какой-то левый...

- А кто из наших-то? - спросила она, кусая губы, чтобы не рассмеяться. - У тебя кто-нибудь на примете есть?

- А что, кроме твоего Соболя уже и мужиков других нет? - огрызнулся Семицвет.

- Нет, почему, еще Палыч, но он уже женатый. Может, пройдемся по списку?

- По какому списку? - не понял Семицвет.

- Списку кандидатов, - пояснила она. - Будешь давать им характеристику. «Характер выдержанный, нордический»...

Семицвет глянул, как рублем одарил. Пора убираться - от греха подальше. Хорошо, в холл вышел громадный Мичман.

- Опять деретесь? - спросил миролюбиво. - Идите, а то водка кончится.

Прочувствовав этот довод, Семицвет разжал пальцы. Она машинально потеряла запястье.

- Больно, что ли?

- А то нет! - огрызнулась она так же машинально. Держал ее Семицвет очень аккуратно.

- Ну, прости, не хотел.

Что-то был сегодня Игорь Семицветов само дружелюбие, и Анна не знала, как себя с ним вести. Не помнила.

А ведь когда-то были они втроем не разлей вода: Соболев, Семицвет и она...

Ее стул, конечно, был занят. Соболев увидел ее, вспомнил, оглянулся и, разведя руками, похлопал себя по коленке. Она живо представила себе выражение лица Ольги - нет уж, я лучше пешком постою!

- Пропустите-пропустите! - Семицвет втискивался в тесное пространство у стола со стулом над головой. - Освободите место для детей и инвалидов!

- И кто из вас дите, а кто инвалид?

- Инвалид я! - объявил Семицвет. - Всегда был слаб на голову! Плесните чуток для профилактики обострения!

С трудом расчистили место. Костя похлопал себя по колену.

- Аньк, садись ко мне на одно полужопие, удобней будет.

- Еще чего! - немедленно окрысился Семицвет. - Размечтался! Ваши кони тихо ходють!

В результате пришлось устроиться на коленях у Самоцвета. Она старалась не обращать внимания на руку, обнявшую ее талию - похоже, он боялся, что она соскочит и убежит. Куда? Тут повернуться-то невозможно - кругом локти и плечи. Семицвет налил себе, ей, Косте, соседу слева, которого она не знала.

- Давайте. За Жеку.

Замахнув стакан, сосед повернулся к ней - громадный, и как только такой на броню взлазит...

- Это ты, значит, и есть соболевская Анька?

Она почувствовала, как напряглась рука Семицвета. Допив, аккуратно поставила стакан и сказала безразлично:

- Анька-то я Анька. Только фамилия у меня другая.

Тот поспешно выставил здоровенную ладонь:

- Без обид! Я ничего такого...

- А раз ничего, - вставил Семицвет, - так за базаром следи! Анька у нас резкая, да и я не мягче.

Сосед с удивлением воззрился на него.

- Зема, да ты че? Я с девушкой знакомлюсь, а не с тобой! Ань, меня Вадим зовут.

Она кивнула.

- Хау ду ю ду?

- И хаю, и дую, - подмигнул ей Вадим. - Ты, правда, что ли, теперь спиногрызов английскому учишь? Возьмешь еще одного?

- Нужен ты ей был... - проворчал Семицвет, и потому она тут же дружелюбно кивнула:

- Позвони, поговорим.

- Щас, я телефончик... - засуетился Вадим, отыскивая салфетку.

- Телефоны кому попало раздаешь, - бурчал ей в шею Семицвет.

- Не кому попало, - невинно возразила она. - НАШИМ.

- Аня, как дела?

Задрав голову, она оглянулась.

- А, Олеж! Ничего. Как рука?

- Видишь? - он сжал-разжал пальцы. - Через две недели на комиссию. А ты то лекарство достала?

Она хмыкнула, выразительно потерла пальцами.

- Тут и доставать не надо, бабло плати!

- В Москве, говорят, дешевле.

- Так то в Москве...

- Какое лекарство? - спросил над ухом Семицвет. Мысленно чертыхнувшись, она дернула плечами.

- Такое.

- Какое лекарство? - повторил он свирепо, встряхнув ее малость.

- Да врач назначил, - неохотно сказала она.

- И что?

- Что - что? Накоплю - куплю.

- Анька, ты дура! - сказал он с яростью. - Я тебя сам убью!

- Вот спасибо, отмучаюсь...

- На, - он завозился, достал и шлепнул перед ней на стол записную книжку. - Пиши название и сколько надо.

Почти прижавшись щекой к ее щеке (что ее очень отвлекало), Семицвет смотрел, как она выводит буквы.

- Поди, даже Соболю не сказала? - спросил мрачно.

- А чего ему говорить, у него своих хлопот полон рот.

- Ну ладно, мне, что ли, не могла позвонить?

Аня едва не рассмеялась. Семицвет иногда звонил ей, и тогда телефон начинал дымиться - каждый разговор их напоминал спарринг: удар - ответ, удар - ответ. Не раз и не два она бросала трубку, не зная, плакать или смеяться, и зачем он звонил ей вообще... Жаловаться Се-мицвету? Нет уж, увольте!

Дописав, она машинально пролистнула книжку и сразу же наткнулась на свою фамилию. Телефон. Адрес.

Изумленно обернулась:

- У тебя и адрес есть?

- И «мыло» твое, - буркнул он, выхватывая книжку.

- И чего не приходил?

- А ты звала? - окрысился он.

Что-то не замечала она раньше за Семицветом такой церемонности...

- Ладно. В следующую командировку мы через Москву. Найду.

- Ну... спасибо, - неловко сказала она.

- Не булькает! - отозвался он. - А Соболю я заговорю взгрею.

- За что это?

- Знает же, что ты упертая! Сдохнешь - не попросишь! В следующий раз буду сам узнавать...

- Заткнись, а? - пробормотала она. - Выпей вот.

Семицвет выпил. Сколько она помнила, пил он много, но почему-то почти не пьянел.

- Когда летите?

- Через месяц. Может, кому привет передать?

- Ага. Горячий и пламенный.

- Что горячий - это точно, - ощерился Семицвет. - Не бойсь, передадим. За Жеку. За тебя.

- Эй-эй-эй, - она подтолкнула его локтем. - Я-то живая, если ты еще не заметил.

- Это ты сейчас... - покрутив, он поставил пустой стакан на стол, - живая. А когда мы с Сободем тащили тебя от той 'зеленки'...

Она смотрела на свои руки. Боль. Страх. Бессилие. Мозг, задыхающийся в предавшем его теле...

- Я живая, - повторила она, словно убеждая в этом его. И себя. - Тебя тогда тоже ранило. Я не знала.

- Да какое там - ранило! - он махнул рукой. - Зацепило. Раны и морщины украшают труп мужчины!

Юмор у Семицвета всегда был на уровне: «Маленький мальчик нашел пулемет - больше в деревне никто не живет».

- Мы всей палатой ваши передачи слопать не могли - тащили на целую роту, - вспомнила она.

- Ты бы тогда себя видела! Бинты, нос и глаза... поневоле весь магазин скупишь. А сейчас, - он двинул ногами, словно взвешивая, - ничего, справная...

Она засмеялась.

- Это ты как определил? На взгляд или на ощупь?

Семицвет осторожно притянул ее поближе.

- Да я бы с удовольствием пощупал, так ты же мне все руки повыдергиваешь!

- Так ты и испугался!

Он громко выдохнул ей прямо в ухо.

- Аньк, я ж боюсь тебя до смерти!

Она засмеялась - Семицвет взглянул близко и как-то обиженно - и она вдруг почувствовала себя неловко. Похлопала его по руке.

- Да ладно, Семицветик! Не бойся, не трону я тебя!

- А ты тронь. Сопротивляться не буду.

- Прямо так лапки задерешь и сдашься?

- Тебе - прямо щас.

Как-то слишком серьезно он это говорит. Аня поморгала. Начиная кружиться голова. И не потому, что она выпила. Это...

- Пусти-ка меня!

- Эй, ты куда? Ань, ты чего?

Поспешно перебирая руками по плечам, рукам, головам, наступая на ноги и перебираясь через колени - мужчины смеялись и ругались и отодвигались - она выбралась из плотного ряда сидящих у стола. Спотыкаясь на ровном месте, торопливо шла к выходу: он качался, делался то дальше, то ближе, то вообще растягивался в стороны. Звон в ушах нарастал. Не хватало еще грохнуться у всех на глазах. Опозориться перед Соболев, Пальчем. Семицветом...

Она таки добралась до туалета. Цепляясь за расшатанную раковину, плескала в лицо холодную воду. Повернулась к запахнувшейся двери, уже почти ничего не видя - в глазах стремительно темнело.

- Аньк, да ты чего... - сказал Семицвет сквозь звон. И еще она услышала его «оп-ля!», когда он подхватил ее почти у самого пола.

- Вот так, - сказал он.

- Отпусти меня, - вяло сказала Аня. - Все нормально.

- Вижу, как нормально.

Семицвет опять мягко привалил ее за плечи на диван. Потер ее холодные руки, пристально вглядываясь в лицо. Он казался потрясенным.

- Ты чего это... падаешь? Пойду Серого притащу, если не нажрался еще до зеленых соплей.

- Да не надо...

- Заткнись, а? Лежи так! Лежи! Я быстро. Олька, смотри, чтоб она не вставала!

Только сейчас Аня заметила стоящую неподалеку Ольгу. Семицвет унесся, и Аня мимолетно посочувствовала фельдшеру Сереге: сейчас его поймают, повяжут, доставят...

- Ты не беременна?

- Чего?

- Я когда Гошкой ходила, то и дело в обморок падала. Еще и живота не было.

Она завозилась и села на диване. Провела ладонью по мокрому лицу. Пробормотала:

- Было б от кого еще...

Ольга постояла, глядя по сторонам и сжимая в руке стакан.

- А от моего? - спросила глухо.

Она замерла на секунду-другую, потом опустила голову между ног - голова продолжала кружиться, пол - плыть.

- А твой здесь при чем?

- Ты скажи, есть между вами что? Или нет, а? Я ж так больше не могу! Я же что-нибудь...

Она поглядела исподлобья. Ольга стиснула стакан так, что за бедную посудину было страшновато - хорошо, столовский, крепкий. Аня трудно вздохнула и выдохнула:

- Ду-ура! Он же тебя любит!

Снова наклонила голову. В ушах звенело, как будто ей отвесили хорошую оплеуху. Диван тяжело просел - Ольга плюхнулась рядом.

- Что - совсем-совсем ничего?

- Совсем-совсем, - сказала она сквозь зубы себе в колени.

- И правда! - схватилась Ольга. - Ты же девка свободная. Вон какая боевая, на фигу тебе женатый, с довесками! Вон гляди, Игорь Семицвет об тебя все глаза обмозолил! Да и Валерик Громов холостой...

На радостях она готова была сосватать Ане весь белый свет.

- Угу, - буркнула невеста на выданье, - а еще Андрияха развелся... Оль, да успокойся ты! Ничего нет, и ничего не будет! Ясно?

- Нет, ну правда? - никак не успокаивалась Ольга. В голосе - облегчение пополам со страхом. Аня откинулась на спинку дивана, закрыла глаза. Не хотелось смотреть на Ольгу, да и на весь белый свет - тоже. Боль усиливалась.

- Правда-правда, - сказали рядом. - Уймись ты, наконец, з-зараза! Принеси лучше минералки.

- Ага, я сейчас, Игорек, Аня!

Диван вздохнул освобожденно и тут же снова осел.

- Серый уже под столом. Ты как?

- И давно ты здесь? - спросила она, не открывая глаз.

- С начала допроса.

- Мог бы и спасти.

Смешок.

- Зачем? Мне и самому интересно!

Аня сказала кое-что. Семицвет рассмеялся. Подвигался, устраиваясь поудобнее, твердое бедро коснулось ее ноги.

- И часто ты в обмороки плюхаешься?

- Первый раз.

- Угу...

Аня помолчала и добавила:

- В этом году.

- А в прошлом?

- Чаще. Выпила, наверное...

- И курила.

- Да иди ты... - беззлобно сказала она. Открыла глаза. Семицвет сидел, в точности повторяя ее позу - руки на животе, ноги вытянуты, голова на подголовнике. Смотрел искоса.

- Ну что смотришь? Не пройду я комиссию, да.

- А как ты на своих курсах тогда самооборону преподаешь?

- А ты откуда знаешь?

Она видела, что вопрос ему не понравился. Семицвет потер ухо.

- Да знаю...

- На курсах я в обморок не падаю, - сказала она. Подумала и добавила, - и вообще не падаю. Голова закружилась, понял?

- Понял, не дурак... Дурак бы не понял.

- И вообще, чего это ты тут сидишь? Там водка кончается.

- Кончится - еще купим, - сказал Семицвет просто. - Вон Витек вообще к себе уже зазывает. Обещает царские хоромы и питье рекой.

- А баб?

- А баб - нет, - с сожалением сказал Семицвет. - Повод не тот.

- Будто тебе когда повод нужен был...

Он вдруг обиделся.

- Аньк, ты чего! Я ж тебя никогда не окучивал!

- Ни разочка! - подтвердила она. - Как получил плюху - с тех пор ни разу.

- Так это когда было! - он потер ухо. - Я уже и забыл...

- Напомнить? - готовно предложила она, Семицвет поспешно вскинул ладони.

- Видишь мои руки? Во-от они где!

- Вот минералочка! - пропела вернувшаяся Ольга. - Аня, ты как?

- Тебя только за смертью посылать! - буркнул Семицвет.

- Ну что, Ань, получше?

Она отвела взгляд. Ольга заглядывала ей в глаза и только что хвостом не виляла.

- Давай-давай, топай отсюда! - скомандовал Семицвет. - Там Соболек без присмотра остался!

- Грубый ты, Семицвет, - вздохнула Аня, когда Ольга послушно «утопала».

- Ну. Пить будешь?

- Давай.

Семицвет набулькал в стакан. Аня пила глоточками. Пить не хотелось, голова кружилась, но болела уже меньше. Рисковать вставать она пока не хотела. Да и вообще ничего не хотела - просто сидеть здесь... хоть бы и с Семицветом. Тот сделал большой громкий глоток из пластиковой бутылки. Покосился. Увидел, как губы Ани дрогнули в улыбке, и мгновенно широко ухмыльнулся в ответ.

- Ты это... давай больше без обмороков, - предупредил. - У меня нервы, знаешь, какие слабые!

- Все, завязала!

- Может, тебя домой доставить?

Аня вздохнула.

- Посижу еще. Тебе что, не терпится от меня отделаться?

- Так я это... в порядке шефской помощи.

Он осторожно положил холодную руку на ее лоб.

- Башка раскалывается, наверное, да?

Аня хотела привычно огрызнуться-отшутиться, но встретила его сочувственный взгляд и не нашла, что и как ответить. Слабо боднула лбом его ладонь.

- Бывало и хуже.

В его хищном лице что-то дрогнуло. Семицвет предупредил быстро:

- Ты только спокойно, ладно?

Сгрел ее руки за запястья одной рукой. Пока Аня недоуменно таращилась, наклонился и поймал губами ее рот. Целовал жадно, сильно, даже больно - словно после долгой разлуки, словно изголодался, давно представляя, как все это будет. Аня могла только хватануть воз-духа, когда он, наконец, чуток отодвинулся. Семицвет тоже дышал тяжело, глядел близко «плывущими» глазами.

- Руки... - пробормотала она.

- Что?

Она пошевелила пальцами онемевших рук.

- Руки пусти... идиот.

Он поглядел вниз. Пробормотал:

- Только не убивай меня сразу, хорошо?

Разжал пальцы. Аня уже привычно терла запястья.

- Дурак. Синяки же будут.

- Ну, извини.

- Ты чего... вдруг?

- Не вдруг.

- Не вдруг?

- Не вдруг, - упрямо повторил Семицвет.

- Слушай, Цветик-Семицветик, - она пыталась говорить с привычной насмешкой. Не получалось. Губы горели. - Мы с тобой уже сколько друг друга знаем?

- Ну?

- Что сегодня-то приключилось?

- Я думал, ты на Соболя запала... - Он вдруг окрысился. - А ты, типа, не видела, что я вокруг тебя круги наматываю?

Ей вдруг стало смешно.

- А я-то думаю, что это вокруг меня такое мелькает? Аж в глазах рябит!

- Аньк... - сказал он тяжело. - Анька, я ж тебя... да я за тебя...

Она взглянула, испугалась и спешно закрыла ему рот рукой. Семицвет прижал и поцеловал ладонь. Несмело провел рукой по ее голове.

- Отросли... - сказал невнятно, все еще ей в руку. - Хорошо.

Жесткие пальцы сжались, крепче обнимая ее шею. По позвоночнику словно прошел нервный ток.

- Хватит болтать! - строго сказала она и взяла Семицвета за уши. - Хватит!

- Ага! - моментом согласился он.

- ...Ого!

Придавивший ее Семицвет не сразу, но отодвинулся и, моргая, она увидела вывалившуюся из столовой толпу.

- Ого-го-го! - одобрительно гаркнул Коля Мичман. - Договорились наконец-то!

Аня села прямее, высвобождаясь из рук нехотя отпустившего Семицвета. Глянула исподлобья. Соболев смотрел на них, прикусив губу. Неожиданно кивнул и показал большой палец.

- Мы по домам! - сообщил Витек, ухмыляясь. - Анют, подбросить?

- Ты же в драбадан... - пробормотала она, неловко поднимаясь. Свирепо глянула на поддерживавшего Семицвета - тот и не подумал отпустить ее локоть.

- Обижа-аешь! - захохотал Витек. - До «драбадана» мне еще как до Луны пешком! Да у меня и водила за рулем!

- Без тебя доберемся, - сказал Семицвет. Аня покосилась. Он на нее не смотрел. На лице его горел темный румянец - наверное, такой же, как у нее самой.

- Ну... тут дела семейные! - сказал кто-то ясным голосом. Мужчины, закуривая, посмеиваясь, и с любопытством поглядывая, шли к выходу. Кое-кого вели под руки - водки на поминках был явный перебор. Аня смотрела им вслед, потому что не хотела смотреть на остановившегося рядом Соболева.

- Пока, Аня, - сказал он, и пришлось все-таки посмотреть. Соболев жал руку Семицвета. За мужнин локоть крепко держалась Ольга. Глядела с жадной радостью.

- До свиданья, Ань!

- До свиданья, - кивнула она. Соболев неожиданно наклонился и поцеловал ее в щеку.

- Пока.

- Пока...

- Игорек, ты заходи к нам! - сказала Ольга. - И ты, Ань.

Она от неожиданности моргнула и машинально кивнула. Ага. Ждите. Пирог пеките...

Оба одновременно оглянулись на опустевшие двери столовой. Поглядели друг на друга. Аня шевельнула локтем, опять пытаясь стряхнуть крепкую руку Семицвета.

- Может, уже отпустишь меня?

- Нет, - с непривычной серьезностью сказал он. - Не отпущу. Никуда я тебя уже не отпущу, Анька.

Ей вдруг стало смешно.

- А плащ можно надеть?

- О! - сказал он, удивившись. - Забыл! Щас!

Анна вышла на крыльцо - народ расходиться и разъезжаться не спешил. Переговаривался. Курил. Она подняла голову. В лицо летел ночной дождь. Говорят, в день, когда хоронят хорошего человека, всегда идет дождь...

- Вот, - сказал Семицвет. Практики в подавании женщинам плащей было у него явно маловато. Аня терпеливо справлялась с ускользающими рукавами. Семицвет, натягивая куртку, заглянул ей в лицо и спросил озабоченно:

- Ты чего? Плачешь, что ли?

- Дождь... - ответила она.